

Катерина
Комиссарова

МАРИНА И АННА

лирика

Катерина Комиссарова
Марина и Анна. Лирика

«Издательские решения»

Комиссарова К.

Марина и Анна. Лирика / К. Комиссарова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904834-9

Марина и Анна... два имени с длинной историей. В их руках жемчуг и сталь, нежность и месть, игральные кости и распятие. Тоска по высоким башням, театральным подмосткам, диким лесам и огромному непокоренному Космосу — все это уживается в них. Женская лирика с мужским характером для тех, кто не боится оглянуться и посмотреть на себя.

ISBN 978-5-44-904834-9

© Комиссарова К.
© Издательские решения

Содержание

ЦИКЛ «СИНИЙ ПРОСОЛЕННЫЙ ЛЁД» (2011—2015)	6
ЦИКЛ «ПРОТУБЕРАНЦЫ» (2013)	14
ЦИКЛ «У ФУРГОНА С ТИГРАМИ» (2013)	17
ЦИКЛ «ГОЛУБОЙ, ПЕРЛАМУТРОВЫЙ, ТЕРРАКОТОВЫЙ, ЛИМОННЫЙ» (2009—2014)	22
ЦИКЛ «БОДЛЕРИАНА» (2007)	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Марина и Анна Лирика

Катерина Комиссарова

© Катерина Комиссарова, 2018

ISBN 978-5-4490-4834-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЦИКЛ «СИНИЙ ПРОСОЛЕННЫЙ ЛЁД» (2011—2015)

ГОРОД, ЗАКОВАННЫЙ В СИНИЙ ПРОСОЛЕННЫЙ ЛЁД

Серёже

где-то город, закованный в синий просоленный лёд,
где-то судна, стремящие ввысь деревянные шпили,

где-то улицы ветром исхожены на год вперёд —
километры брусчатки, и ярды, и вёрсты, и мили —
всё равно, лишь бы двигаться, лишь бы куда-то шагать;
направление спорно, маршрут до конца не указан:

по мосту, что протянут меж двух берегов, как шпагат,
и узлами фонарными – вехами в памяти – связан.
мимо набережных, мимо броско кричащих витрин,
за беседой, улыбкой, молчанием о высоком.

сколько слов недосказанных, сколько вопросов внутри,
сколько общего между, и даже несхожего сколько.

Невский иллюминаций, как ёлка в конце декабря,
на Дворцовой следы, у Казанского тень полукругом,
синий ангел над городом, боже, хранивший царя,
двое в тёплых пальто, потерявшие разом друг друга,

мы знакомцы, влюблённые в образ, но мы не друзья:
я и город, мы искоса смотрим на руки и лица.

ты хороший, закутанный в морок, туманы, озяб,
ты за вёрстами, милями, шпалами, крыльями птицы.

где-то руки, пропахшие масляной краской, – вода,
тонкий лёд-скорлупа, голубые гранитные плиты,
где-то есть и другие – с просоленным льдом – города,
только я помолчала и всё-таки выбрала Питер.

2011

БАЛТИКА

руки-палочки так в запястьях узки-узки.
серьги по ветру перезвонами кличут дождь.
мы почти незнакомы: рисуешь с меня эскиз,
но назло всё никак не поймаешь и не поймёшь.

на балтийский берег накатывают валы,
развеваются полы не греющего пальто.
я, как воздуха, всё выпрашиваю хвалы,

ты рисуешь, но вырисовывается не то.

мы никак не научимся слушать учителей.
нам не встретиться, не вариться в одном котле,

мы вообще в разных точках системы координат.
я, к примеру, не попаду в христианский ад,

мне понятней и явственней вечный надзвёздный шаг.
у меня, как у прочих, мистическая «душа»,

но прости, ради бога, томительный словоблуд!
я стою, завернувшись шавермой в большой платок.
если море не против, я всё же останусь тут
наблюдать, как валы разбрызгивают песок,

как он липнет к твоим ботинкам. как ветер рвёт
меховой воротник, носит пепел моих цитат.
город скоро накроет просоленный синий лёд,
и тягучий пейзаж станет мне и тебе под стать.
2013

ГОРОД, ПРОПАХШИЙ КРОВЬЮ

Молодой и беспутной всё легче на свете жить —
я дышу и от этого, кажется, существую.
Ну же, умный да опытный, выйди и покажись!
Посмотри на меня живую!

Да, я глупая, верно, я ляпаю всякий бред
и воюю со старыми мельницами порою.
Мне мозги проморозило намертво в ноябре,
не умею по «Домострою».

Сигареты подорожали на три рубля.
Я живу в параллельном мире, и в нём не страшно.
Если воры с убийцами в вечности у руля —
как, ответь же, мне стать отважной?

Как с окованным сердцем остаться в своей стезе?
Боли целого мира мне, крошечной, будет много.
Будет слабость, и смерти родителей и друзей,
и поклоны чужому богу.

Я тебя сочинила, тебя и в помине нет!
Отчего же так тянет с иллюзий сорвать покровы?
Ты мне ночью приснишься в тревожном холодном сне,
ты и город, пропахший кровью.

Только ветер солёный и море меня спасут.

Обмороженный мир станет вновь вопиюще узок.
Я люблю, ни о чём не жалея, и в этом суть —
ну а дальше всё дело вкуса.
2014

ТОШНОТА

пальцы не отогреть, хоть засунь их в печку,
в горле почти что Саргрова тошнота.
есть постоянно кто-то, кто держит свечку,
не позволяя ни сбиться и ни отстать.

день размножается тысячами вселенных,
а в голове разверзается вечный ад.
мне, как стоящей у пропасти на коленях,
страшен в меня нацеленный сверху взгляд.

вплавь по реке, в ледяную вступая воду.
зверем в стальную клетку – и так живи!
в детстве учили: сердце мертво без свободы,
но умолчали – оно мертвей без любви.

страх обнимает липко. откачан воздух.
нету ужасней участи – не дышать...
перед глазами вспышки сверхновых звёзд, и
мне и не отшутиться, и не решать.

легкие сжались и стало в груди пусто,
сердце мертво, и что толку его беречь...
ну а в конце, неизвестным по счёту чувством,
щупаешь голову, что улетает с плеч.
2014

МИР, КОТОРЫЙ

Посмотри на меня: хороша ли, плоха ли, право?
У тебя в голове только рифмы, созвучья, стили.
Я на право любить, как и люди, имею право,
не твори из меня кумира, божка, мессию.

Я живая, умею быть сонной, голодной, греюсь,
убирая носки до рассвета на батареею.
Да, я мучаюсь болями каждый проклятый месяц
и, наверное, в твой прозрачный эфир не верю!

У меня мало опыта жизни и меньше – смерти,
я не знаю, откуда беды придут на землю.
А внутри из какого-то омота лезут черти
и взбираются в рай, как Джек на бобовом стебле.

Я влюбляюсь в зрелых мужчин, и красивых женщин,

я и тем, и другим назло посвящаю строки.
Временами пишу и болтаю такие вещи,
от которых зайдутся в гневе любые боги.

Посмотри на меня: я не ведаю, что мне делать,
мир мой рушится, если есть ещё, что разрушить.
Тот, кто в душу в влюбился, тот не бичует тело,
тот, кто в тело – пускай не лезет, собака, в душу.
2014

У НИКИТСКИХ ВОРОТ

Ты любишь тонких, звонких, ломких, светлых.
Только
Я не такая, я не враг себе – не ври мне.
В разбитом зеркале, в бесчисленных осколках
Мне профиль чудится другой,
Екатеринин.

Я жду потопа, войн и смут, чего угодно —
Я подниму с колен любого. Да, любого.
К чему мне эта духота, ваш рай Господний,
Когда внутри сидит божественный любовник?
Я – вещь в себе, и это, в общем-то неплохо.

И что тебе, мой незадачливый приятель,
Меня пропалывать, как куст чертополоха,
В никчёмных поисках мне не присущей стати?

Да что ты знаешь... то вовек не знать потомкам.
Течёт сургуч, а в нём закат – кроваво-красный.
Мне всё равно уже. Так разделяй и властвуй
Меня и мной, мне неподвластный князь Потёмкин.
2014

Говорят: если бросишь монетку – вернёшься вновь,
Посмотри, как последние деньги несёт волной.

Я опять улыбаюсь, ведь мне никогда не жаль
Ни улыбки, ни сердца, ни памяти, ни ножа.

Я бросаю на ветер слова, и балтийский шум
Еле слышно напоминает, что я – дышу...

Были ночи бессонные сумрачных дней – белей,
И хотелось не вечности – медленных кораблей,
Что проходят, как сон, и на зыби его – плывут.
Я бросаю монеты. И будто бы... вновь живу!

Что мне жизнь у неверного пламени очага,
Если есть окрыляющий ветер – и берега?
Кто такую простит, кто останется рядом с ней,
Если в ней просыпается ласточка по весне?

Я живу высотой, я прощенья у тех прошу,
За которых молюсь, для которых сейчас – пишу.

Мне не жаль ни ночей, ни загубленной сторяча —
Этой жизни, что я ношу на своих плечах.

СЕРДЦЕ МОЁ, ВЕЧНОСТЬ МОЮ
Через себя хоть раз попробуй переступи:
Да, виноват, ступил, не с теми не то всё пил,
Ты, моя гордость, спи, ты, моя глупость, спи.

Всех пожалеть горазд, всем пасынок городам,
Лишь одному – беда – и сердце готов отдать.
Над ним – глубока вода. Под ним – высока вода.

На перепутье рек так хочется закричать:
Где же твоя свеча? Что же ты замолчал?
Голову вон с плеча! Вызовите врача...

Господи, человек! Молчанию вопреки,
Льются мои стихи с твоей стороны реки,
Из-под твоей руки – в рюмку моей строки.

Страшно идти на дно... но много страшнее здесь
Ждать от людей чудес и верить своей звезде,
Руки туда воздев, бряцать в своей узде.

Сердце не полотно, а вечность – не нервный стих.
Косы не расплести. И беды не отвести.
Сердце моё – прости, вечность мою – прости.

СЕМЬ ТИРЕ, ОДИННАДЦАТЬ ТОЧЕК
Хочу быть мечтой, твоим золотым ребёнком,
Которого гладят, лелеют и стерегут.
Аз есмь тихий голос, в колонках и перепонках,
Невесть для кого забытый на берегу.

Хочу те бесплатные стулья в пустом Париже,
Где умерло всё, и никто никогда не указ.
Я вновь просыпаюсь бесстыдно большой и рыжей,
И вновь прорастаю, как зёрна сомнений в нас.

Хочу говорить, говорить о пустом и сущем,

Не пряча в коротких точках своё тире.
А детские пальцы всё тянутся к не живущим,
Но так и не могут нормально зажать баррэ.

А пальцы хватают воздух, как снег и гальку,
И, кажется, могут с неба – тебя – достать.
Я ловко, как фокусник, чиркаю зажигалкой
И громко считаю перед прыжком до ста,

И прыгаю! Перестук семь тире и точек —
Одиннадцать, как ты хочешь, переводы.
Мне кажется иногда, что не хватит строчек,
Что мысль оборвётся, только разбередив...

Хочу, чтобы город разбух от нелепых сплетен,
Как рыба на нересте, круглая от икры.
Я снова считаю до ста, будто плеть за плетью
За то, что поганый язык неспособен скрыть.
2014

этот город встречает гостей широтой парадных,
долготой пересадок в метро, где от ветки к ветке —
как воробушки. он тебе несказанно рад, но
всё равно будет долго ухлёстывать за соседкой.

этот город не взять измором, не обесточить —
он живет и гудит электричеством местных бесов.
ты бежишь – он хватает и ставит тебя на площадь,
и ты смотришь во все глаза, и тебе в них тесно.

у тебя зуб от холода не попадает на зуб,
шаг за шагом колбасит по улице в лихорадке.
ты не можешь понять: отчего это всё и сразу?
он кричит: «всё в порядке, дурочка,
всё в порядке!»

я не знаю, как выразить собственную тревогу:
небо под ноги, выстрел в голову, сон мне – в руку.
людям плохо – они ходят в церковь молиться богу,
я иду под дождем вслед за ними проститься с другом.

я от ревности жгу мосты и срываю крыши —
это чувство ничем обыденным не измерить.
этот город от года к году мне письма пишет,
но по старой привычке всё так же в меня не верит.
2014

ПО КРАЮ

когда ты уже будешь счастлив, мой человек?
вчера же весна, а сегодня заиндевело
стекло над парадной и выпала на траве
роса, и газон показался колюче-белым.
а время идёт, но ни слухов, ни новостей.
обрывками фраз несвязанных сыт не будешь —
известно, что дом распилен на сто частей,
туда, где жила я, вселились другие люди.
пусть счастье твоё прорастает хотя бы в них.
день мается. ночью холод хватается цепко,
лекарства идут с рецептом и без рецепта,
неделя забита рефлексией, как дневник.
чего же тебе не хватает, мой человек?
чего же ты скачешь и ластишься к той и к этой?
проблема живёт тараканами в голове,
они там кишат и мешают пробиться к свету.
всего-то – живи...
ожидание портит кровь.
а дальше – страшнее, снега заметут дорогу.
ты ходишь по краю наполненной стопки к богу,
ни разу не принимая его даров.
2014

ХОЛОДНЫЙ, СЫРОЙ И СИНИЙ

Жалко людей, уходящих в сырую ночь,
Без вести пропадающих на вокзалах —
Им не помочь, ничем уже не помочь.

Тех, кто по собственной воле уходит прочь,
Не испугать ни убийцей, ни снегом талым,
Ни темнотой чернильной, ни тем, что в ней.

Дома у них собаки скребут под дверью,
Падают книги, тени дрожат на стене.
Их не находят ни утром, ни по весне,
Их забывают, в них толком никто не верит.

«Зайцем», проездом, отчаянно налегке...
Ходят составы, рельсы заносит снегом,
Лишь бы не повязаться в пути ни с кем!

Кто-то выходит в заснеженном городке,
Себе самому неведомым человеком.

Люди уходят, не в силах терпеть и ждать
Собственной смерти, смерти своей собаки,
Чьей-то любви, что обязана побеждать,
А на поверку – мучительней, чем вражда,

И от которой хочется только плакать.

Люди уходят, не чувствуя под собой
Почвы, их носит ветер февральский, жуткий.
Думают: всё же лучше в забой, в запой,
Лучше всю жизнь бессмысленно, на попутке —
Только бы не очухаться в промежутке
Между знакомой первой и второй.

Только бы видеть любимых живыми в ней,
Маму здоровой, а папу – большим и сильным,
Собственный дом – на солнечной стороне...

Вечер приходит холодным, сырым и синим,
Снежные тучи стухнули над чьим-то сыном —
Господи, пусть отыщется по весне...
2015

ЦИКЛ «ПРОТУБЕРАНЦЫ» (2013)

ПОЛНОЧНЫЙ ГОСТЬ

Прости, что осталась здесь.
Что не помню больше,
как надо бы в наш короткий никчёмный век.
Что рядом, у изголовья – не там, не в Польше,
Не полька, то бишь, по-твоему – нечеловек.

И что не в дороге, нет, не иду навстречу
Транзитным и чутким радиомаячкам.
Кладу твой смешок на полку.
По Трассе Млечной
летят корабли с мерцанием светлячка.
Их свет по земле влечётся и тонет в травах,
А всё остальное – небытие и тлен.

Ты помнишь, как мы с тобой оказались правы,
Когда сознали, что нас не поднять с колен?

Пылятся книжки – эхо Александрии,
Те самые, что изъяты из тиража.
Открой их, как ненароком, да посмотри и
Найдёшь нам десяток, больше – моих стихат.

Лежи, я сама открою.
Сквозняк.
Эй, кто здесь? Стреляю на поражение!

В сердце ёк – когда я смотрю и вижу в полночном госте
Вселенную, что глядится в дверной глазок.
2013

ХЬЮСТОН!

Хьюстон, приём! Объясните щелчки на линии!
Космос так холоден, я отморозил ноги.
Вас согревает солнцем, смывает ливнями,
Вас там бомбят, а я не найду дороги.
Здесь много места, а толком нигде не спрятаться —
Я упираюсь в лунную твердь ботинком.
Лунные сели, смыкаясь в лавины, катятся.
Я не готов плясать перед вами, каяться,
Я не готов готовиться к поединку.

Хьюстон, приём! У меня не хватает воздуха!
Это всё, знаете, страшно и неприятно.
Я не могу идти, я стою под звёздами,
А за спиной мне не видно следов обратно.

Как говорят: из-за сниженной гравитации
Чувствуется непривычная невесомость.
Мир страдает. Общественность тычет пальцем:
Шельма, ведь угораздило так попасться... И
Спорят о справедливости, тешат совесть.

Хьюстон, покуда слышите, то для верности
Вы разгоните чёртовы облака.
Гляньте-ка: на бескрайней лунной поверхности
Не отпечаталась даже моя нога.
2013

ГРАЖДАНИН НИГДЕ

всё проходит по кругу чёртовой каруселью,
и из редкостных судеб я выбираю эту.
гражданин Нигде окончательно оборзел и,
засыпая, командирруется прочь с планеты.
как он там ещё не соскучился по системе?

есть ли жизнь во вселенных, где никого не строят?

гражданин Нигде продолжает общаться с теми,
кто, по факту и по статистике, не достоин.
у него во-обще престранные интересы,
он не борется и не служит какой-то цели.

вот скажите, но только честно, предельно честно:
вам неловко, когда вас толком никто не ценит,
не оценивает в процентах,
не клеит ценник.
нам же нравятся нормативы, стандарты, ГОСТы,
мы же фапаем на систему, значки и сцены!
от протеста и медленной шлюпкою до погоста.

нам легко, нам гораздо легче, когда мы вместе.
мы разбиты на атомы, слеплены очень криво.
мы участвуем в линчеваниях и протестах
и рождаемся страшно, чтоб умереть красиво.

мы по сути немного знаем об этом мире,
в кулачке зажимая тающие конфеты.
нас уже сломили, без мора и войн сломили —
полуголых детей чьего-то «добра и света».

гражданин Нигде засыпает счастливым, братцы,
ощущая прохладный вакуум под щекою.
и от шупалец незнакомых протуберанцев,
как от тёплых объятий девушки,
спит спокойно.

2013

ЗААРХИВИРУЙ И СОХРАНИ

[здесь-грустно-и-одиоко-путник] *

пойдём, домой.

мне сухо, как рыбе в банке, и солнце
вошло в зенит.

я вряд ли начну дышать, пусть даже
взойду на мол.

и ты обветшал, но все умерли, не с кем
теперь сравнить.

молчанье – не золото, если спросишь,
молчанье – ртуть.

а годы идут, и ты, видимо, счёт утратил
нолям, полям...

ты был марсианин, и не было крови
в твоём в спирту.

ступая на Марс, ты ни разу не верил,
что он – Земля.

ведь всё умирает стремительно, толком
не осознать.

я пальцами жму на кнопку, только
проходят сквозь...

быть может, пришло то время, чтобы
подняться – над! —

и вот уже лифт небесный минует
последний пост...

но Марс распростёрся здесь, подо мною,
и он фонит.

скажи мне хотя бы слово, разве
ты здесь – один?..

[всех-умерших-путник-заархивируй-и-сохрани
счастливыми-и-возможно-дожившими-до-седин]

*С. Лукьяненко «Спектр»

ЦИКЛ «У ФУРГОНА С ТИГРАМИ» (2013)

В ТЕМНОТЕ, У ФУРГОНА С ТИГРАМИ

Как-то глупо выходит: я тут стою, я жду,
Понимаешь, красивый, бронзовый, словно памятник.
На башке – цилиндр: написано на роду —
Вынимать из него кролей, раскачивать маятник,
Визуально – обманывать, внутренне – не жалеть.

Я стою за фургоном с тиграми, как мы условились.
Ты же помнишь? От нервов кровь ползёт, как желе,
От мысли, как я сражу тебя чётким профилем
На фоне разодранной в клочья тушки кроля.

Ну разве же не романтика это, господи?

Есть столько фокусов, чтобы тебя удивлять,
И самому удивляться собственной косности
В вопросах борьбы за женщину.

В темноте
Я слышу, как тигры ходят по клетке, рыкают —
Я голоден, как они,

Во всей остроте,
И кажется, будто тело пронзают пиками.

Один мой знакомый, печальный клоун, сказал:
«Ты, видимо, идиот», когда мы отчалили,
Пьянящие в дым. И я встретил твои глаза,
И понял, как, вероятно, тебя огорчаю я...

Но ты за кулисами жалась с кем-то из труппы,
он, ясно же, не имел бородатой женщины.
Я снял цилиндр, представив: из теплых труб
Течёт молоко на эту солому свежую,
И как освежёванный крол висит на крюке,
Моя любовь уродливо в сердце скрючилась.

Какое-то время прятал её в руке.
А потом протянул, набитую, словно чучело,
Всем моим уродством, вылезшим изнутри.

Посмотри на нее, любимая, посмотри!
2013

ГОД СПУСТЯ

Рассвет, у фургона с тиграми.
Я сижу на Его следах – изваянием.
Голова – Горгоны, как колючая проволока —
спутались пряди.
Так чего же, скажите, ради
На поводу идти и пасть на закляние?
И не увидеть, что было за титрами...
Сижу, пытаюсь распутать волосы,
Зубы сжимаю, гримасничаю – борюсь
с колтунами и ключьями
Вычёсываю старательно. Из памяти
Удаляю образ, и связанные с ним побочные
Воспоминания. Холодно, с осознанием.
Разве в сердце что-то случайно останется.
Есть столько невиданных мною стран
И душевных ночей: солёных и потных
Где душу мою изомнут незнакомые руки...
Ах, милый мой. Фокусы лишь умиляют
И вызывают улыбку ленивую.
А с ним, этой ночью, под рёбрами стуки
Слились во единый гул.
Уверенность, хрип и борьба на соломе
И руки заломлены в дикой истоме
И в ключья истерзанный стул.
Ты ждал,
Ярясь и ревнуя, и задыхаясь до красноты.
Сжигая на сердце минуты попусту
И рыская нервно: обгладывал кости —
Своих подозрений и домыслов.
Я видела всё из густой темноты.
Глазами кошачьими будто.
Как милый раздавлен и сломан
А я предвкушала измены своей
Экстазы и рваные стоны
(Романтика тоже распутна!)
Пока не упала, в провал в пустоту,
В пьянящую бездну – соломы.
Не вспомнить, когда приключилось,
В какой из поездов скучных.
По телу разлилось жжение,
Как от укуса медузы.
Сердце заболотилось и развалилось,
И вывалилось из блузы.
Почернело, истлело от ненависти.
Теперь тут под ребрами ком
из пепла и сажки.
Сердце:
Мёртвое и смердящее
Делает вид, что любит,

*И бьётся, как настоящее
Смешно, ведь нечему даже там тлеть.
А на первый взгляд и не скажешь.
Милый, смотри! Я вся в копоти!
Вымазана, вывалена, припорошена.
А сердце можешь себе на пиджак надеть
Пускай повисит как брошина.*

Степан Сабуров

Где-то больше года прошло.
Я остыл и вызрел, как коричневая хурма,
Не в сезон дороже.
Я погряз в почти утопическом эскапизме,
Я и сам становлюсь практически невозможен.

Друг, печальный клоун, вышел в тираж и запил,
Он и так грешил, но теперь уже безвозвратно.
Жизнь всё так же покрыта россыпью бурых крапин —
Никогда не поймёшь:
в веснушках ли, в трупных пятнах.

Завязал с кролями, начал распиливать женщин —
У меня от истошных воплей внизу мурашки.
Я настолько прежней бытностью обеспечен,
Что, наверное, мне уже ничего не страшно.

Я почти забыл о влюбленности и о страхе,
Что к моим вещам прикоснётся рука чужая.
Я себя,
и её,
и его посылаю на ***,
и отныне убогих больше не обижаю.

Я опилками посыпаю главу, и плачу
Оттого, что я независимый и беспечный,
Словно вся вселенная с парой коньков в придачу
У меня сложилась в глупое слово «вечность».

Друг вчера обрёл просветление и сказал мне,
Что на этом свете трезвость невыносима.

Боже любит юродивых.
Он собирает залы,
заставляя нас верить в нашу неотразимость.
2013

МЫЛЬНАЯ ОПЕРА

Супруг заставляет бриться и быть женой:

Снимай, говорит, корсет и неси мне ужин.
Мы – всё колесим по стране вместе с цирком, но
Какого-то лешего вышло, что он мне сужен.
Нагнул меня над лоханью с его бельём —
Джаст бизнес – стирай, мол, тряпки и не гугукай.
Дружки его – сплошь похабники и жульё.

Я дважды пыталась вешаться, но супругу
Везло, и он дважды выдергивал из петли.
Слезай, говорил, жена, и пожрать неси мне.

Я знала любовь, что в уголь испепелит,
Но так и не ведала, как это – ночью зимней
Руками синюшными крепко узлы вязать.

Нет места в груди ни чудесам, ни чувствам.
А то, что я отчебучила год назад, —
Выходит, только – искусство ради искусства.

Я бреюсь и проклиная весь белый свет.
И близкая перспектива навряд ли греет.
Мой суженый скоро будет звездой в Москве,
А я однозначно в мыльной воде сопрею.
2013

ПОСЛЕДНИМ И ПЕРВЫМ

*к утру тяжёлым сном забывишь
ты видишь словно наяву
ту настоящую в прошедшем
с которой будущего нет*

andievb

ну и как тебе отвращение перед грязью?
не подташнивает, не болит по утрам печёнка?
не смущает существование явной связи
изначальной несвязности этих твоих ночёвок
с охромевшей нежностью – с дуростью беззаботных?
с одиночеством, вознесённым до абсолюта?
ночью мартовской лютой не хочется ли чего-то,
просто созданного для пухлости и уюта?
ухмыляешься... прячешь шею воротниками.
ты воняешь, почти как прачка или свинарка.

*будь ты проклят, когда коснёшься меня руками!
и сарказмы твои мне, что мертвецу припарки.
будь ты проклят за то, что вышел живым из круга,
словно мушкетеры кошки, бегающие через пламя.*

*нам бы впору было перестрелять друг друга
и не знать, что за жизнь проходит в таком бедламе.
где же чудо, а? растерял по дороге что ли
шляпы, карты свои, разрисованный ты обманищик?
всё построено на уловках твоих и фальши —
что ты знаешь о боли?*

что я знаю о боли? боль затмевает разум.
на ладонях – смотри – проступают к утру стигматы.
я, наверное, и поныне люблю, заразу,
так, что хочется пить, курить и ругаться матом.
так люблю, что, наверно, взял бы и задушил бы,
вырвал сердце и продал душу любому бесу...
я учился вставать с колен и терпеть ушибы,
я пытался взывать хоть к чьему-нибудь интересу,
потому что негоже помнить тебя, негоже.

*будь ты проклят, когда коснёшься меня руками...
но я верно умру от счастья, когда, быть может,
ты последним
и первым
поднимешь и бросишь камень.
2013*

ЦИКЛ «ГОЛУБОЙ, ПЕРЛАМУТРОВЫЙ, ТЕРРАКОТОВЫЙ, ЛИМОННЫЙ» (2009—2014)

ПОГРЕБАЛЬНОЕ ПИРШЕСТВО ЦВЕТА И ЗАПАХА

он смешал горячий коктейль
из шафрана,
из жгучего перца,
из молока звёздной кобылицы,
из пепла.

он в землю Испании лёг, как в постель,
так рано, рано...
свинцовая спица в сердце.
он долго не мог уснуть:
скажите же, что ему снится?
сухие ветры?

кувшин с медяками? рваная рана
тёмного неба?
город цыган,
что мирно дремлет в зелёных
огнях?

он лёг в постель слишком рано,
но помнил,
я знаю, помнил запах хлеба,
пропахший мускусом балаган,
что он нанизал с пелёнок
на острие дня...

его звали... как его звали?
Федерико?
Гарсия?
Лорка? Поэт?

он упал на красное покрывало
без единого крика,
думал... нелепо, красиво...
небо, трава, свет...

он смешал прохладный коктейль
из Мадрида,
из Кадакеса,
из родной Гренады,
соткал ковёр.

четыре луны, соловей...

кто-то сказал: «он **дор!».
такая вот вышла пьеса:
расстрелян поэт, беснуется стадо,
цедит гомофобский вздор.

апельсиновой рощи тень,
солнце идёт
усталым пилигримом,
шаркает подошвами,
мнёт травяной покров.

подальше от городских стен,
от справедливых высот,
в тень апельсинов...
тяжкая ноша —
к целой стране любовь.

тяжкая ноша – боль за страну,
за эти цыганские песни
за оливы,
за бешеный
бег взмыленных коней.

кто-то другой подойдёт к окну,
кто-то менее честный,
до слёз правдивый —
утешит
братьев, сестёр, матерей.

кто-то всхлипнет,
вскрикнет,
напишет тысячи строк и картин.
а сердце —
не покроется коркой...

голос хриплый,
терракотой светятся лики —
он такой один,
(с солью и перцем):
Федерико!
Гарсия!
Лорка!
2009

МАРГАРИТА
Ты без шляпки – кудряшки завиты,
Пальцам клетка перчаток тесна.
Маргарита, моя Маргарита,
Отчего ты сегодня грустна?

В пальцах – модная сигарета,
И над нею – жемчужный дымок.
Романсеро поёт до рассвета,
А наутро он взводит курок.

Цедишь жизнь, будто крепкий напиток,
Капля к капле, считаешь часы.
Маргарита, ты здесь, Маргарита?
Под предательским светом косым?

Это ты... не играешь, не плачешь,
Не прощаешь ни лжи, ни измен,
И от взглядов пытливых не прячешь
Под глазами бессонницы тень.

Смотришь в сердце – а сердце разбито,
В нем чужая не теплится жизнь.
Маргарита, прости, Маргарита,
И на гения зла не держи.

Выпей залпом, не чокаясь, стоя,
Как бы горек тот не был глоток.
Завтра будет объявлен героем
Тот, кто первым нажал на курок.

Всё зашьётся – суровой ниткой...
Всё проходит: и боль, и печаль.
Маргарита, прощай, Маргарита,
Лишь предательства – нет! – не прощай...
2009

МЫ ЖИЛИ У МОРЯ
мы жили у моря,
где серо-зелёные, пенно-
голубые, утром – розовые
волны бились о белый
от жара и солнца,
горячий и тающий берег.
мы жемчужинами
собирали память, собирали
звёзды, высыпавшие ночью
на леденящий
серебряный берег.
мы вышли на берег
золотым закатом, бросили
ноги в шуршащие волны,
зарылись мокрыми волосами
в мелкие камушки,

в песок, отливающий золотом,
пахнувший рыбой и солёным
жареным воспалённым солнцем.
мы жили у моря.
мы верили, что нет больше
ни пыли, ни гари,
ни серого камня дорог —
а есть только пенное море,
крикливые жирные чайки у пирса,
вымощенная белым золотом дорога
в память,
вечную память,
и море, море, бегущее в наши
объятия, море —
преданная собака,
море – шуршащая листва, сыплющаяся
под ноги, и море —
ждущий нас клад,
жемчужное ожерелье мира...
в тени оливы мы слушаем море...
мы слушаем море,
а море —
слушает нас.
2009

ОЛЕ!

Таким чисто испанским восклицанием встретил я в Париже весть о смерти Лорки, лучшего друга моей беспокойной юности.

Это крик, который бессознательно, биологически издаёт любитель корриды всякий раз, когда матадору удаётся сделать удачное «пассе», который вырывается из глоток тех, кто хочет подбодрить певцов фламенко, и, исторгая его в связи со смертью Лорки, я выразил, насколько трагично, чисто по-испански завершилась его судьба.

Сальвадор Дали

У неба украл я
Парящих птиц высоту.
У Бога украл я
Его души красоту.
У гор украл я
Упрямый каменный свод.
У жизни украл – лишь год.

Лишь год, и вместе,
И будто бы как-то врозь.
Я вплёл бы перстни
В беспечность твоих волос.
Я спел бы песню

На новый, как мир, мотив.
Я смог бы остаться жив...

Я здесь на воле,
И ветер в руках травы
Качает поле
И мёртвых среди живых.
И мне не больно...
О, смерть, я мечтал о ней,
О странной любви твоей.

Я видел Бога
И белый цветок любви.
И у порога
Он мне шелестел: «Живи!».
Но слишком много
Свинцовой пылицы в груди
И вечности впереди.

Я помню взгорье
И каменную постель.
И к нам над морем
Ангелов сонм летел.
Как иллюзорен,
Прозрачен был летний день,
И вот набежала тень...

Но мне не страшно —
Я многое перенёс.
Страдал от жажды
Летящих твоих волос.
Кричал: «Я стражду!» —
И вырвал шальной язык!
А слышал ли ты мой крик?

Слепая дружба
Свила нас одним узлом,
Но среди жемчужин
Змеёй задремало зло.
Кому я нужен?
Всю жизнь я читал стихи
Предателям и глухим.

Забытый Богом,
Я верил в тебя, Дали!
Ты вырвал ноги,
Но так и не окрылил...
Я у порога
Лежу на родной земле

И слышу твой крик: «Оле!».
2009

СЕГОДНЯ (1898—1936)

Странно выходит: мальчик уходит в небо,
В чёрные дула смотрит мужчина.
В августе этого года сложился ребус,
В июне брошенный звёздной песчинкой.
Над Андалузией солнце палит нещадно,
Тень от деревьев не спасает от жара.
Ждать осталось недолго – скоро станет прохладно.
Свет ярок.
Романсеро хоронят с гитарой.
Жизнь-перевёртыш отнимает у сердца крылья,
Вырывает песню из самой глотки.
Я не останусь, я завтра уеду в Севилью,
В поисках твоей седовласой красоты.
«Сегодня» окаменеет, и маленькая фигурка
Будет стоять там, в Мадриде, в руках её – голубок.
Странно выходит: ты был слишком чуток,
Чтоб петь, но не услышал, как затянулся силок.
Мальчик уходит в небо, а мужчина на землю упал —
Он не слишком крепко держался за жизнь.
Цветы белы, меж ними вьётся тропа,
Ты шёл по ней, мне послышалось:
«Федерико, держись!»
Странно выходит: глаза поэта черны,
А под ресницами дремлет в мягкой тени Гранада,
Ты был поэтом. Поэтом своей страны.
Эх, Испания... как любовь твоя...
Беспощадна.
2010

О СМЕРТИ НЕ ГОВОРЯТ

Всюду, где черные звуки, там дуэнде.

Мануэль Торрес

там, там трое недвижны в поле.
чёрным, белым, пурпурным в ряд.
не поют о страхе.
не кричат о боли.
о смерти не говорят.

там, там с ними стоит четвёртый,
кто пурпурен и чёрен, и бел.
этот кто-то вечный —
этот кто-то мёртвый

говорил и кричал, и пел.

там, там роща бела, беззвучна,
суховей обжигает грудь.
был приказ – без пыли,
был приказ – не мучить,
а там уже как-нибудь.

тем, тем жаль досок и патронов,
кто прожил вполовину сил.
всё не в тех – плевками,
всё не тех хоронят,
не у тех пируют могил.

там, там чёрным глаза-маслины
порыжевших цыганских вдов
на его похожи.
за луну – да в глину,
в жёлто-бурую – за любовь.

там, там ночи – как антрациты,
дни белы, вечера красны.
так сказал четвёртый,
он лежал, убитый,
трое рядом лежали с ним.

там, там кто-то сказал: «довольно».
ружья за спину. так же в ряд.
не поют о страхе.
не кричат о боли.
и о смерти не говорят.
2011

ЗВЁЗДНАЯ ПЫЛЬ

день выдался жарким. но в кроне кричала птица,
под кроной, у самого корня, журчал ручей.
вчера падал дождь – крупным рисом и чечевицей,
как на новобрачных, сыпал на палачей.

а завтрашний ветер, он звёзды посыплет оземь —
как падает с неба божественная крупа.
поэт собирает звёзды, он любит звёзды —
не выдержал звёздной тяжести и упал.

ведь жизнь, как корпускулы, видится мелочами,
и жалко просыпать горсть золотых частиц.
поникий плечами, он входит меж палачами
в осеннюю рощу и чёрных не видит лиц.

и август пронзает убитое тело светом
каких-то неведомых для астрономов тел.
и звёздная пыль, как цыганских монист монеты,
рассыпана в синей космической пустоте.

на пашнях пускают корни стихи и песни,
и с новой весной молоком апельсинов цвет.
поэт входит в рощу, как в собственную невесту.
она зачинает смерть.

2014

ЦИКЛ «БОДЛЕРИАНА» (2007)

ПАНОРАМА-ДУША

Пропахший плесенью
И табаком, и рыбой,
В дождливых сумерках
Французский городок,
Как будто спаянный
Одной неясной глыбой,
Вознёс над крышами
Ржавеющий флагшток.

А там, за доками,
Бескрайним полем серым
Вальяжно, медленно
Скользит морская зыбь.
А здесь, за окнами,
В саду уснувшей веры,
Лысеют головы
Замшелых чёрных лип.

Торговки розами,
В унылых чёрных шалях,
Со скорбью в лицах и
С корзинами в руках.
Как удивительно:
Вместилища печали,
Как в царском пурпуре,
В багряных лепестках!

Напев волнующий
Шарманки полуночной;
Скользя по улице,
Бредёт с кадилом поп —
За ним, под музыку
И пьяный пляс рабочих,
Одни могильщики,
Несут, шатаясь, гроб.

И зло, и весело:
Прощаться с надоевшим —
В мансарде крошечной
Все ставни распахнуть,
Смеясь, почувствовать,
Как счастье жизни вечной,
Сквозь боль, неистово,
Прорвет свободой грудь!
2007

ПАРИЖСКИЙ НОКТИЮРН, ИЛИ СТРАСТИ ПО БОДЛЕРУ

*Как знать, верну ли я из тех семян, что сеял,
Цветы, которые в мечтах своих лелеял,
И сок размытых почв во благо ль будет им?*

Ш. Бодлер

*Кажется, что все великое в мире должно появиться сначала в форме чудовищной, ужа-
сающей карикатуры, чтобы навеки запечатлеться в сердце человеческом.*

Ф. Ницше

Отёкший висельник,
Распятый на крюке,
Облеплен мухами,
Зашёлся в адском круге —
Фонарь мигающий,
Танцующий упруго,
Бессилен в бронзовой
Карающей руке.

Над тротуарами
Повис холодный дым.
В кабацких вывесках —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.